

В. В. Лебедева

**ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА
НЕГИДАЛЬЦЕВ И СЛАВЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ:
К ВОПРОСУ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ**

Автор обращается к проблеме межэтнического взаимодействия и взаимовлияния между коренным малочисленным этносом — негидальцами, дальневосточными аборигенами и славянами-переселенцами, через традиционный национальный костюм и его отдельные элементы. Статья подготовлена на основе архивных источников, научной литературы отечественных исследователей-этнографов, полевых материалов автора, собранных в местах компактного проживания негидальцев. В работе представлены экспедиционные фотоматериалы из личного архива автора.

Ключевые слова: традиционная одежда, этнос, межэтнические контакты, модернизация, этноспецифика, негидальцы, славяне-переселенцы.

**TRADITIONAL CLOTHING OF NEGIDALS AND IMMIGRANT SLAVS:
TO THE ISSUE OF INTER-ETHNIC CONTACTS**

The issues of inter-ethnic interaction and mutual influence of the native ethnos of Negidals, Far-Eastern aborigines, and immigrant Slavs is analyzed on the basis of traditional national costume and its elements. The paper is based on the archive sources, literature review, and field findings in the regions of Negidal residence; photos made by the author are also presented.

Keywords: traditional clothing, ethnos, inter-ethnic contacts, modernization, ethnic specificity, Negidals, immigrant Slavs.

Традиционная одежда любого этноса, являясь одним из наиболее важных и достоверно древних элементов, всегда представляла собой уникальное явление этнической культуры. В ней сочетались и переплетались образ жизни народа и его многовековой опыт. Отличаясь самобытностью и яркой этнической спецификой, традиционная одежда несла в себе выражение характера народа, его хозяйственно-бытового уклада, социальных норм, этноэстетических вкусов, привычек и мировоззрения в целом. Как отмечала известный ученый-этнограф Н. И. Гаген-Торн, «...Она (одежда. — В. Л.), отражает представления данной группы... не в умозрительной или словесно-звуковой, но в конкретно-образной форме» [3, с. 122].

Цель работы — выявить общие и этноспецифические черты элементов традиционной, преимущественно повседневной и промысловой одежды негидальцев и славян-переселенцев, проследить процесс взаимодействия и взаимовлияния культур.

Культура негидальцев как самого малочисленного этноса Дальнего Востока всегда вызывала особый интерес у исследователей. По данным последней Всероссийской переписи населения (2002 г.), общая численность негидальцев составляла 806 человек, 505 из которых проживали преимущественно в Хабаровском крае [6, с. 5].

Местом наиболее компактного расселения этноса в настоящее время является село Владимировка, в котором в тесном соседстве с эвенками проживает 88 неги-

дальцев*. Село расположено в нижнем течении р. Амгунь, в районе им. П. Осипенко.

У негидальцев существует несколько этнонимов, но «...весьма характерным для них является наименование "Амгун бэйнин" ... т. е. житель р. Амгуни, по берегам и притокам которой негидальцы расселялись в течение столетий и где, по-видимому, они сформировались как этнос, как отдельная этническая разновидность тунгусо-маньчжуроязычных народностей» [17, с. 3–4].

Негидальский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе алтайской языковой семьи. На протяжении длительного исторического периода он развивался в процессе тесных этнокультурных контактов с языками соседних дальневосточных аборигенов — нанайцев, ульчей, орочей, эвенов, эвенков, удэгейцев и других этносов, что в немалой степени повлияло и на формирование национальных названий элементов традиционной одежды негидальцев.

Тип традиционной одежды и характер материалов для ее изготовления как «первого дома» человека — это продукт традиционных занятий и хозяйственно-бытового уклада, напрямую зависящих от природно-климатических условий конкретного географического региона.

Для негидальцев вплоть до настоящего времени основными занятиями остаются рыболовство и охота на копытного и пушного зверя. И. И. Гапанович отмечал, что «...негидальцы охотятся... преимущественно за лосем, живущим в привычных для них марях, да белкой... они живут исклю-

чительно рыболовством... Но особенно отличается негидальцев полнейшая неспособность к оленеводству...» [4, с. 6].

Одежду негидальцы называли *тэттчэ* [15, с. 241]; промысловая одежда негидальцев является в большей степени одеждой охотников и рыболовов. Наиболее распространенным материалом, используемым мастерицами для пошива верхней как промысловой, так и повседневной одежды, мужской и женской, были в основном шкуры лесных животных — лося, оленя, а у жителей морского побережья — нерпы.

Процесс изготовления верхней одежды у негидальцев, как и у других коренных этносов, был достаточно длительным и трудоемким: от снятия шкуры и правильной технологии ее обработки до изготовления нитей-*томпо* из сухожилий копытных и пошива изделия. Изготовлением всех видов одежды и обуви занимались женщины. «При выборе материала для одежды исходили из опыта, знаний и наблюдений как собственных, так и предшествующих поколений. Всегда учитывались возможности определенного вида материала: прочность, термостойкость, водонепроницаемость» [7, с. 6].

Практически все женщины-мастерицы владели обширным спектром разнообразных приемов: от начального и до конечного этапов изготовления одежды. Шить приходилось как промысловую, так и повседневную одежду для всей семьи.

По оценке этнографа Л. Ф. Смирнова, у негидальцев «...большое распространение имели сохатиные и собачьи шубы, покрой которых давал возможность охотнику использовать их как подстилку во время ночлега в любую погоду. Охотничьи левополые халаты негидальцы шили из оленьей ровдуги, а для промысловых безрукавок предпочитали шкуры из лосиных голов, женская меховая одежда шилась исключительно из собачьего меха и была двойной — мехом наружу и мехом внутрь. Для верха шубы негидальские женщины использо-

вали более грубый, черного окраса мех, а для подклада — мягкий мех щенков. Женская шуба отличалась просторностью и мешковатостью, была в меру длинной. Левая пола запахивалась на правую и застегивалась сбоку на металлические шаровидные пуговицы» [14].

Довольно часто у негидальцев встречались шубы распашного типа, что явилось результатом прямых этнокультурных контактов с эвенками (тунгусами). Верхняя одежда была отрезной по талии, нижняя часть слегка расширена, рукава втачные, заужены к запястью. Пришивался меховой маленький воротник-стойка либо он вообще отсутствовал. Полы кроились «встык» и скреплялись между собой тремя парами ровдужных завязок вместо пуговиц. Длина шубы была обычно до колен или чуть выше, но в определенных случаях учитывались особенности покроя и функционального назначения шубы, надеваемой при езде на нартах и во время подледного лова.

Другим распространенным традиционным материалом у негидальцев была рыба кожа, из которой шили как одежду, так и обувь. К. М. Форштейн, проводя в этнографической экспедиции около года (1926–1927 гг.), исследуя жизнь и культуру негидальцев, в своих полевых материалах отмечала: «Из рыбьей кожи в прежнее время делалась одежда, обувь, сумки, ремни и пр. В настоящее же время только обувь, ремни и мелкие поделки, тогда как одежда или покупается в готовом виде, или шьется из покупной материи... Пушной зверь идет почти исключительно на продажу, шкуры же остального зверя (сохатого, дикого оленя и др.), наоборот, для собственной одежды (почти исключительно охотничьей...)» [5, л. 171–172].

Из камуса лося и оленя, вплоть до настоящего времени негидальцы шьют традиционную обувь — торбаса, которая дополнялась в зимнее время «башмаковидными» чулками *доктон*, характерными для

всех народов Приамурья. Благодаря таким качествам, как прочность, легкость, оптимальный температурный комфорт, данный тип обуви получил признание и широкое распространение среди переселенцев, прибывших на Дальний Восток в основном из западных районов страны. Наряду с меховой обувью негидальцев бытовала и в дальнейшем пользовалась большим спросом у переселенцев промысловая обувь из ровдуги лося, изюбря, оленя. «Обуви из ровдуги лося хватало на три-четыре сезона. Реальные сроки ее использования зависели от качества выделки материала и характера ношения обуви конкретным человеком. Важно было не порвать обувь об острые сучки. Охотник всегда носил с собой материал и инструменты для заплаток» [2, с. 15].

В целом покрой промысловой обуви низовских негидальцев-рыболовов практически ничем не отличался от покроя обуви нижеамурских аборигенов: нивхов, ульчей, нанайцев. Данное явление объясняется как единым регионом проживания, так и исторически сложившимися этнокультурными контактами между коренными народами Приамурья.

Акцентируя внимание на процессе этнокультурного взаимодействия этносов, следует отметить, что из всех пришлых народов наиболее значительное влияние на современный костюм негидальцев оказали представители славян-переселенцев. «Взаимовлияние в одежде стало проявляться на Амуре уже в 1850–1860-х годах. Первоначально это были подаренные или приобретенные на ярмарках различные предметы готовой русской одежды — сапоги, картузы, кафтаны, головные женские платки и т. п. Причем мужская русская одежда распространялась гораздо шире и быстрее, чем женская. В этом определенную роль сыграли миссионерские школы, где учились преимущественно мальчики. Им безвозмездно выдавали одежду и обувь русского образца» [1, с. 102].

Со второй половины XIX в. прослеживается тенденция роста объема и ассортимента привозной ткани, что внесло соответствующие коррективы в покрой и пошив одежды с доминированием европейских образцов. Значительно ускорился и упростился процесс кроя. С появлением фабричной материи штаны стали шить из сукна, брезента и шерстяных тканей. Одновременно с выходом из повседневного обихода ноговиц начинают изготавливать и носить длинные штаны. В конце XIX — начале XX в. среди мужчин и женщин повсеместно распространились русские мужские сапоги, а «...под влиянием распространения русских тканей постепенно выходили из употребления отдельные традиционные элементы одежды, так как их изготовление из местных материалов (шкур, кож) требовало много времени и труда. Сказалось и сокращение объемов охоты на таежного и морского зверя, которые давали естественные материалы для изготовления традиционного костюма...Под влиянием русской культуры заметно изменилось искусство украшения одежды, ее покрой, использование цветовой гаммы. Так, фарфоровый русский бисер изменил колорит и фактуру вышивки у эвенов и негидальцев. Широкое распространение получили цветная материя и цветные нитки» [1, с. 102–103].

Русская одежда в среде негидальцев распространялась очень быстро, так как была большая потребность в ней по причине того, что в таежных условиях традиционная одежда быстро изнашивалась, а процесс изготовления из местных материалов был, как уже отмечалось, довольно трудоемким и длительным.

Со второй половины XIX в. ноговицы (наголенники) все чаще стали шить из ткани, нежели из традиционных материалов. Это происходило под воздействием активного проникновения в культуру аборигенов иноэтнических элементов, в первую очередь — предметов одежды переселенцев. Наблюдается процесс активного внедрения

в повседневную одежду более удобных, длинных брюк. Ноговицы остались только в комплекте традиционного промыслового костюма.

В силу того, что ноговицы все же были достаточно функциональны, длительное время в XX в., когда все мужчины уже носили брюки европейского покроя, их надевали во время различных работ поверх брюк. Ноговицы выполняли защитную функцию, защищая штаны от грязи, дождя и преждевременного изнашивания. Таким образом, исчезнув из повседневного обихода, ноговицы долгое время сохранялись в качестве рабочей одежды. Д. И. Надеина вспоминает, что такие ноговицы были у ее деда, а в 1960-е гг. их продолжали носить еще многие мужчины-аборигены [13].

Несмотря на появление ноговиц из ткани, всегда ценились изделия из оленьей ровдуги как более практичные во всех отношениях.

Так же как и ноговицы, «...зимняя одежда и обувь, особенно промысловая, оказавшаяся удобнее русской в местных природных условиях, сохранялась повсеместно, более того, отдельные ее элементы были заимствованы русскими» [1, с. 103].

Зимняя промысловая обувь — олочи

На основе исследования наших полевых материалов можно прийти к заключению, что за продолжительный период времени покроем такого важного предмета национального костюма, как ровдужные рукавицы, практически не изменился. Да и в настоящее время рукавицы из традиционного материала — ровдуги — доминируют как один из важных атрибутов одежды охотника.

Особенно быстро процесс вытеснения одежды из меха и кожи покупными тканями наблюдается с начала XX века. При этом еще долгое время в качестве главного украшения сохраняется традиционный негидальский орнамент, важным элементом которого является трилистник.

В процессе формирования современного костюма негидальцев в XX веке халаты довольно быстро выходят из употребления. М. М. Хасанова, опираясь на материалы своих полевых исследований, отмечает: «Старухи негидалки уверяли нас, что в начале XX в. халатов не шили, а наряжались в платья, расшитые бисером, что, безусловно, можно расценивать как сравнительно позднее русское влияние с сохранением и собственных традиций» [16, с. 88–89].

Полевые исследования показывают, что в начале XX века негидальцы почти не носили халатов (ни из ткани, ни тем более из рыбьей кожи). А если и носили, то в единичных случаях, и вещи, скорее всего, были нивхскими или ульчскими. Происходило это, по-видимому, в зоне наиболее тесных контактов негидальцев с населением Амура, т. е. в самых низовьях р. Амгунь — в бывшем селении Усть-Амгунь.

В процессе беседы со старожилами села Владимировка района им. П. Осипенко нам также неоднократно приходилось слышать, что в начале прошлого столетия негидалки носили не халаты, а платья из ткани. Праздничное — из однотонного шелка, цельнокроенное, длина доходила до середины икр, приталенное, с поясом, рукав втачной, длинный, завершающийся манже-

том. Некоторые изделия, как отмечали информанты, имели клиновидную, длиннее передней, заднюю полу, что образовывало своеобразный «хвост». На подол пришивались колечки, чтобы не сворачивалась ткань. Праздничные изделия вышивались подшейным волосом оленя, а также украшались бисером. Такое платье носила мать старейшей негидальской мастерицы Анны Порфирьевны Надеиной [9].

В итоге к началу XX в. одежда негидальцев представляла собой рациональное сочетание традиционных и заимствованных форм. Современная одежда и обувь весьма разнообразны и сочетают в себе как традиционные, так и новые, интонационные виды. В среде аборигенов постепенно преобладающее место занимает тканевая одежда. У оленеводов и охотников, особенно зимой, широко используется традиционный костюм в сочетании с отдельными элементами европейской одежды — бельем, рубашками, брюками, сапогами.

Распространение одежды переселенцев, в основном русских, стало более интенсивно протекать в 1920–1930-е годы. В это же время широкое распространение в комплекте женской одежды получают юбки с блузками, кофты, покупные платья; часто шили платья на кокетке, называвшиеся «толстовками» [10].

Одежда негидальцев уже в то время являлась смесью местной и европейской традиции. Характерным было сосуществование традиционных и новых форм одежды, с отдельными элементами национальной одежды, и наоборот. Традиционный костюм стал меньше украшаться, вышивка сохранилась преимущественно на обуви и рукавицах.

По мере роста славянского населения одежда аборигенов, в том числе и негидальцев, быстро утрачивала традиционные черты.

Наиболее быстро в 1930-е годы традиционная летняя одежда менялась на евро-

пейскую. Большой спрос был на русские сапоги, телогрейки, шапки-ушанки, валенки, матерчатые рубашки и брюки, пиджаки или куртки, кирзовые и резиновые сапоги, туфли. Мужчины охотно заимствовали военные гимнастерки, куртки, пиджаки, брюки, пальто, головные уборы и другую одежду европейского покроя. Молодые женщины также быстро отказались от традиционной одежды и повсеместно стали носить одежду европейского покроя: легкие платья из различных тканей, сарафаны. Замена традиционной обуви фабричной весьма интенсивно проходила в довоенные годы, причем связано это было чаще всего с желанием быть похожими на русских работников.

В конечном итоге, в быту фактически полностью стала господствовать покупная фабричная одежда и обувь, хотя были и исключения. Прежде всего это относится к отдельным, сравнительно легким в изготовлении элементам костюма, например, национальным орнаментом стали украшать платья европейского покроя. Одежда такого рода, приобретая характер специфического костюма, стала находить применение во время проведения национальных праздников, выступлений фольклорных коллективов [8, с. 100].

Детская одежда, декорированная национальным негидальским орнаментом

Наряду с покупной фабричной одеждой негидальские охотники вплоть до 1970-х гг. широко использовали национальную обувь, рукавицы, наколенники и меховые безрукавки, реже — куртки. Это связано с тем, что зимняя одежда сохраняет традиционные черты в гораздо большей степени, так как лучше приспособлена к местным суровым климатическим условиям.

Специально для охотников до сих пор продолжают изготавливаться рукавицы с двумя пальцами: большим и указательным, чтобы можно было, не снимая рукавиц, пользоваться ружьем. Эти рукавицы не были меховыми, так как мех мешал нажимать на курок, их шили только из ткани. Еще в 1980-е годы такие рукавицы были распространены чрезвычайно широко [12]. Они не орнаментировались, что соответствует их традиционным образцам. Также сохраняется использование верхних рукавиц из ровдуги. Такие рукавицы надевают поверх тканевых, утепленных ватой.

Встречаются в наши дни и отдельные случаи изготовления охотничьих курток по традиционным образцам. Еще в 1960–1970-е годы зимние охотничьи куртки использовались сравнительно часто. Такая куртка шилась из ровдуги, имела традиционный свободный покрой и отложной воротник. Образцы промысловых курток конца XX в. сохраняют традиционный покрой, сшиты они в основном из оленьего меха, с отложным воротником. Модернизация традиционных образцов проявляется в использовании пуговиц, которые постепенно заменили ровдужные завязки [11].

Итак, традиционные предметы и элементы костюма сегодня представляются в качестве отдельных вкраплений в современную европейскую одежду, используемую в повседневной жизни. Технические приемы работы с традиционными материалами, веками формировавшиеся при пошиве национальной одежды, переносятся на

изготовление декоративных элементов костюма из различных, главным образом тканевых, материалов, близких по фактуре к традиционным.

К народу постепенно приходит осознание неповторимости, оригинальности и уникальности своей национальной культуры, порой хоть и фрагментарно, но все-таки дошедшей до настоящего времени, во многом благодаря энтузиазму отдельных людей. Несмотря на то что традиционную одежду негидальцев в наши дни вытеснили из жизни различные образцы современного европейского костюма, отдельные элементы национальной одежды (торбаса, меховые безрукавки, рукавицы) сохранились в костюме современного охотника. Это является одним из важнейших стимулов для сохранения тех этнокультурных традиций, которые пока еще живы в творчестве национальных мастеров.

Таким образом, традиционная негидальская одежда как важный элемент национальной культуры на протяжении длительного времени, вбирая в себя элементы художественных традиций соседних этносов и сохранив свою этноспецифику, в обновленном виде дошла до наших дней.

Дальнейшая история негидальского костюма, сохранение его традиционных черт и направления возможных инноваций являются частью широкого круга проблем выживания коренных малочисленных этносов, сохранения их уникальной, самобытной культуры,

С точки зрения классической этнографии, описание и изучение элементов традиционной одежды, разнообразные процессы видоизменения и модернизация отдельных ее элементов в результате этнокультурных контактов имеет особое значение для исследования и решения важнейших этнологических проблем: этногенеза, этнической истории, этнокультурных связей на ранних и последующих исторических этапах развития этноса.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Прежнее название села Владимировка — «Гарпа», в пер. с эвенкийского — «Луч солнца». Данные по количественному и национальному составу с. Владимировка на 01.01.2010 г. были предоставлены главой сельского поселения В. П. Молчановой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргудяева Ю. В.* В. К. Арсеньев — путешественник и этнограф: Русские Приамурья и Приморья в исследованиях В. К. Арсеньева: материалы, комментарии. Владивосток: ДВО РАН, 2007.
2. АХКМ. Оп. 1. Д. 1121. Л. 15.
3. *Гаген-Торн Н. И.* К методике изучения одежды в этнографии СССР / Н. И. Гаген-Торн // Сов. этнография. 1933. № 3–4.
4. *Гапанович, И. И.* Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущее // Вестник Маньчжурии. Харбин, 1928.
5. ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 53. Л. 171–172.
6. Коренные малочисленные народы севера Хабаровского края: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: Стат. сборник / Территориал. орган Федерал. службы гос. статистики по Хабар. краю. Хабаровск, 2006.
7. *Лебедева В. В.* Негидальцы: материалы музеев, архивов и экспедиций (XIX — начало XXI века). Хабаровск: ООО «Амурпринт», 2010.
8. *Лебедева В. В.* Традиционная одежда негидальцев: к проблеме этнокультурных контактов со славянами-переселенцами // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Оренбург: ОГАУ, 2009.
9. ПМА. 2007 г., от Надеиной А. П., Семеновой Е. А., Казаровой А. В. (с. Владимировка).
10. ПМА. 2008 г., от Надеиной Д. И. (с. Владимировка).
11. ПМА. 2010 г., от Казаровой А. Н. (с. Владимировка).
12. ПМА. 2010 г., от Надеиной Д. И., Казаровой А. Н. (с. Владимировка).
13. ПМА. 2010., от Надеиной Д. И. (с. Владимировка).
14. *Смирнов Л. Ф.* Негидальцы: народная одежда. Этногр. очерк // Амгунская правда. 1990. 17 апр.
15. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Л.: Наука, 1977. Т. 2.
16. *Хасанова М. М.* Негидальская коллекция Л. Я. Штернберга в собраниях МАЭ // Сборник музея антропологии и этнографии. СПб., 2000. Т. 48.
17. *Цинциус В. И.* Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.

REFERENCES

1. *Argudjaeva Ju. V.* V. K. Arsen'ev — puteshestvennik i etnograf: Russkie Priamur'ja i Primor'ja v issledovanijah V. K. Arsen'eva: materialy, kommentarii. Vladivostok: DVO RAN, 2007.
2. АНKM. Op. 1. D. 1121. L. 15.
3. *Gagen-Torn N. I.* K metodike izuchenija odezhdy v jetnografii SSSR // Sov. jetnografija. 1933. № 3–4.
4. *Gapanovich I. I.* Amgun'skie tungusy i negidal'cy, ih budushchnost' // Vestnik Man'chzhurii. Harbin, 1928.
5. GANK. F. 537. Op. 1. D. 53. L. 171–172.
6. Korennye malochislennye narody severa Habarovskogo kraja: Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.: Stat. sbornik / Territorial. organ Federal. sluzhby gos. statistiki po Habar. kraju. Habarovsk, 2006.
7. *Lebedeva V. V.* Negidal'cy: materialy muzeev, arhivov i jekspedicii (NIIH — nachalo NII veka). Habarovsk: ООО «Amurprint», 2010.
8. *Lebedeva V. V.* Tradicionnaja odezhda negidal'cev: k probleme jetnokul'turnyh kontaktov so slavjanami-pereselencami // VIII Kongress etnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov. Orenburg: OGAU, 2009.
9. PMA. 2007 g., ot Nadeinoj A. P., Semenovoj E. A., Kazarovoj A. V. (s. Vladimirovka).
10. PMA. 2008 g., ot Nadeinoj D. I. (s. Vladimirovka).
11. PMA. 2010 g., ot Kazarovoj A. N. (s. Vladimirovka).

-
12. PMA. 2010 g., ot Nadeinoj D. I., Kazarovoj A. N. (s. Vladimirovka).
 13. PMA. 2010., ot Nadeinoj D. I. (s. Vladimirovka).
 14. *Smirnov L. F.* Negidal'cy: narodnaja odezhda. Etnogr. ocherk // Amgun'skaja pravda. 1990. 17 apr.
 15. Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov: Materialy k jetimologicheskomu slovarju. —.: Nauka. 1977. T. 2.
 16. *Hasanova M. M.* Negidal'skaja kollekcija L. Ja. Shternberga v sobranijah MAE // Sbornik muzeja antropologii i etnografii. SPb.: 2000. T. 48.
 17. *Cincius V. I.* Negidal'skij jazyk. Issledovanija i materialy. L.: Nauka, 1982.